

УРОВНИ НРАВСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРИНЯТИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ

Т.В. КОРНИЛОВА, Е.В. НОВОТОЦКАЯ-ВЛАСОВА

На выборке из 240 человек средствами структурного моделирования верифицирована гипотеза о регулятивной роли уровней нравственного самосознания личности по отношению к эмоциональному интеллекту. Выделены четыре латентные переменные, обуславливающие его уровни. Показано, что принятие неопределенности влияет на эмоциональный интелект во взаимодействии с личностными переменными саморегуляции.

Ключевые слова: выбор, нравственное самосознание, саморегуляция, толерантность к неопределенности, готовность к риску, рациональность, эмоциональный интелект.

Психологические исследования уровней нравственного самосознания личности в контексте проблемы множественной регуляции личностного выбора включают определение позиций по следующим направлениям разногласий в обосновании связей морального развития с составляющими интеллектуально-личностного потенциала человека.

Разум—эмоции. По этой линии проходит демаркация психологических моделей, подчиняющих уровни нравственной регуляции выбора, с одной стороны, уровням интеллектуального развития и разумного освоения моральных норм («моральный человек» по И. Канту, стадии развития морали по Л. Колбергу) и, с другой стороны, эмоциональной составляющей в восприятии себя, других людей и регуляции поступков.

Общая черта рационалистских теорий — предположение, что ведущей в моральном выборе является система умозаключений, или специфическая для стадий развития нравственного самосознания личности логика вынесения суждений. Иным образом роль разума в регуляции морального выбора можно было бы рассматривать в рамках культурно-исторической концепции.

В том же 1932 г., когда вышла книга Ж. Пиаже, представившая стадии нравственного развития как проявления специфики моральных суждений ребенка [21], Л.С. Выготский переосмысливал идеи Б. Спинозы о возможности для человека быть господином своих страстей и подчеркнул, что «Спиноза не интеллектуалист», и аффект побеждается аффектом, а не мышлением. Л.С. Выготский писал также о том, что между осознанием и овладением в известной степени можно поставить знак равенства [7]. Идея единства интеллекта и аффекта не означает, однако, что взрослый человек не может осмысленно и свободно относиться к эмоционально-мотивационным основаниям своего поведения и выбора.

Эмоции как основа вынесения морального суждения в позиции Дж. Юма противостояли рационалистской трактовке восприятия и совершения действий в сфере межличностных отношений людей. В XX в. эмпатия и симпатия как эмоциональные составляющие выбора выступили в качестве ведущих в концепциях морального развития Н. Айсенберг и А. Морриса, в модели взаимосвязи эмпатии и моральных принципов М. Хофмана, Дж. Реста и других.

Рассматриваемая дихотомия прослеживается также как противопоставление

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-06-00101.

позиций рационализма и иррационализма. Дж. Хайдт полвека спустя после введения Э. Торндайком термина «социальный интеллект» обосновал модель социальных интуиций, согласно которой нравственные суждения обычно выносятся, исходя из интуитивных порывов [30]. Интуиция при этом понимается широко, включая социальные стереотипы, эмоциональные решения и т.д. Промежуточная позиция представлена в теории экологического интеллекта Г. Гигеренцера, который показал, что за так называемыми моральными эвристикami можно вскрывать свернутые, но имеющие вполне когнитивные опоры схемы рассуждений [29].

Б. Монин, Д.А. Пизарро и Дж. Бир обосновали положение, согласно которому в реальной жизни человек сталкивается с огромным количеством ситуаций, требующих как быстрого эмоционального отклика, так и глубокого размышления [34]. По их мнению, когда ведется спор о главенстве чувств или разума, люди чаще всего говорят о разных ситуациях.

Любопытным представляется тот факт, что современные смешанные модели, которые вводят представления о фреймах, интерпретационных схемах, лежащих в основе нравственного выбора, начинают прямо апеллировать к мозговым структурам, отвечающим за локализацию эмоций [24]. Это выводит за рамки обсуждения проблемы интерпретации становления и роли личностных ценностей при освоении человеком моральных норм.

Нативизм-эмпиризм. Врожденный характер моральной способности — закономерная характеристика функционирования ее по аналогии с языковой способностью, понятой как порождение грамматик, по М. Хаузеру [24]. Казалось бы, ушедшая в далекое прошлое нативистская позиция вновь вернулась к концу XX в. с современным трендом психофизиологических работ в трактовке основ работы разума.

Процесс освоения моральных норм как присвоения социального опыта — прямо противоположная методологическая позиция, развиваемая в рамках культурно-исторического, деятельностного и субъектного подходов (А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, А.В. Брушлинский и другие). Однако она более основательно подкреплена онтогенетическими исследованиями ([6], [12]), чем анализом актуалгенеза моральной регуляции решений и действий взрослого человека, владеющего иным уровнем средств саморегуляции.

Автономная область регуляции — целостность саморегуляции. Многие исследования демонстрируют относительную независимость уровней нравственного развития личности от других процессов и личностных свойств. Так, при исследовании манипулятивного поведения показано, что люди с антисоциальными расстройствами личности, несмотря на недостатки в области эмоционального функционирования, успешно применяют навыки, которые позволяют им использовать окружающих [31].

Попыткам выделения особой «нравственной мотивации» [1] можно противопоставить идею целостности функционирования моральных и интеллектуальных уровней развития. Она задана, в частности, в подходе Л. Колберга [32], продолжающего линию Ж. Пиаже в понимании роли децентрации в моральной регуляции суждений.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) как новый конструкт в раскрытии старой темы разума и эмоций. В.К. Вилюнас противопоставлял интеллектуалистским трактовкам эмоций представления о самостоятельном пласте эмоциональной сферы, поскольку для порождения эмоций главным выступает отношение к тому, что познается, к потребностям человека [5]. В понятии ЭИ можно было бы видеть возрождение интеллектуалистской трактовки эмоциональной сферы. Однако конкретные модели ЭИ полагают первенство интеллекту-

альной способности, эмоций или являются смешанными [22], [28].

Популяризации этого конструкта в 1990-е гг. Д. Гоулманом¹ [9] пришли на смену серьезные квазиэкспериментальные исследования составляющих ЭИ и его функций [28], [33], [37]. Вместе с тем этот конструкт занял в последние годы в психологии примерно то же место, что ранее конструкт когнитивных стилей — место связующего звена между познавательной и личностной сферами. Авторы широко признанной модели (модель Сэловея—Майера—Карузо) в своем мультифакторном представлении ЭИ исходили из того, что эмоции информируют о связях человека с другими людьми, и можно выделить ЭИ как такую общую способность, которой соответствует идентификация собственных и чужих чувств и эмоций, возможность различать их и использовать эту информацию в мышлении и действиях [19], [33]. Г. Гарднером в его концепции множественного интеллекта были введены понятия межличностного и внутриличностного интеллекта как интеллектуальных способностей, специфичных по своему предмету [8].

Р. Бар-Он занял крайнюю позицию, отведя ЭИ статус некогнитивной способности (и выделив пять обширных сфер эмоциональной компетентности). Хотя им был создан широко известный опросник (EQ-i), серьезного и масштабного эмпирического обоснования лежащей в его основе модели не последовало [23].

Область пересечения ЭИ с социальным интеллектом как способностью понимать внутренний мир других и их поведение подчеркивал Д.В. Ушаков [22]. Шкалы ЭИ проявили сильные корреляции со множеством показателей, отражающих социально-эмоциональный успех [23].

¹ Первенствующая роль эмоций рассматривалась Д. Гоулманом, который включил в дополнение к модели Сэловея—Майера личностные черты.

В меньшей степени ЭИ связан с успешностью деятельности и учения [16], [35].

Итак, способность к пониманию эмоций и управлению ими, включая когнитивные схемы, тесно связана с общей направленностью личности на эмоциональную сферу, т.е. с интересом к внутреннему миру людей (и к своему собственному), склонностью к психологическому анализу поведения, с ценностями, приписываемыми эмоциональным переживаниям. Однако указанная тесная связь ЭИ с интеллектом и аффектом (в сферах самоотношения и отношений к другим людям) не раскрывает взаимоотношений его с уровнями нравственного самосознания личности. При автономизации его роли возможна позиция, которую Л. Уотерхаус выразил так: «Ничто — при любом понимании конструкта эмоционального интеллекта — не мешает кому-то с высоким эмоциональным интеллектом быть безнравственным человеком» [36; 263].

В автономизации роли ЭИ заложено противоречие с изначально интегративной направленностью этого конструкта. Однако мы видим и более серьезное противоречие: в зарубежной психологии морального выбора, где на материале так называемых моральных дилемм разрабатываются его теоретические модели, апеллирующие преимущественно либо к разуму, либо к эмоциям, место конструкта ЭИ еще не определено. В отечественной психологии роль переживаний в регуляции личностного выбора подчеркивает Ф.Е. Василюк [4]. В ней также представлена традиция отнесения моральной регуляции к вершинному — духовному уровню, не сводимому к психологическим составляющим сознания личности ([2], [10]) или в общее для психологии и этики нравственное пространство, фокусирующееся на отношении человека к другому человеку [3].

Согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, уровни самосознания личности выступают ведущими по отношению к регулятивной роли глубинной мотивации [17].

Интегративные свойства интеллектуально-личностного потенциала человека, к которым можно отнести ЭИ, следует предположительно полагать в качестве переменных, испытывающих влияния со стороны присвоенных личностью моральных норм.

Неопределенность как условие личностной регуляции морального выбора. В отечественной философии и психологии произошло позитивное переосмысление проблемы человека в условиях неопределенности [11], [13], [25]. Освоение категории неопределенности в психологии повлекло за собой переосмысление роли других психологических понятий. Так, конструкт «саморегуляция» выглядит на сегодняшний день необходимым для психологического понимания принятия неопределенности как условия интеллектуально-личностного опосредствования регуляции выбора человеком разумным и личностно за него ответственным [15].

Исходя из представлений о множественных и динамически организуемых иерархиях интеллектуальных и аффективно-смысловых процессов, опосредствующих выбор человека (а не мозга), мы понимаем процессы преодоления неопределенности как акты, необходимо включенные в становление его личностной регуляции. Однако представления о верхних уровнях саморегуляции как интегративной характеристике преодолении условий неопределенности субъектом останутся неполными, если из нее исключать взаимосвязи нравственного самосознания личности с ЭИ как свойством индивидуальности, связующим разум и эмоции. Его «необходимость» в регуляции морального выбора задана связью с ориентировкой на интересы другого человека, т.е. с проявлением сформированности личностных ценностей.

ЦЕЛИ И ГИПОТЕЗЫ

Целью данной статьи стало эмпирическое обоснование модели, представ-

ляющей уровневые аспекты взаимосвязи развития нравственного самосознания личности, свойств саморегуляции, связанных с преодолением неопределенности, и показателей ЭИ.

В качестве общих *гипотез* нами были выдвинуты следующие:

1. Следует полагать конструктивную функцию принятия неопределенности как латентного фактора, опосредствующего влияния со стороны высшего уровня нравственного самосознания на проявление ЭИ (и отнесенность его к личностному уровню саморегуляции).

2. ЭИ зависит от особенностей нравственного самосознания личности. Сформированность личностных ценностей, предполагающих децентрацию в индивидуальной морали (ориентировку на Другого) обуславливает развитие межличностного эмоционального интеллекта – МЭИ, а более низкий уровень (ориентировка только на свои интересы) – внутриличностного ЭИ (ВЭИ).

Новый виток в раскрытии взаимосвязей в системах, включающих разноуровневые психологические переменные, был задан использованием методологии структурного моделирования. Формально оно является средством проверки гипотез об общих латентных переменных, стоящих за связями психологических переменных, измеренных эмпирически, но добавляет такие существенные для психологических гипотез характеристики, как установление неявных связей (не прочитываемых в самих по себе эмпирических коэффициентах корреляции) и направленности связей (что лежит за рамками корреляционного анализа).

Конкретные гипотезы о связях между измеряемыми психодиагностическими показателями и проявляемыми в них латентными переменными представлены на рис.1: латентные переменные, обозначенные кругами, заданы в разрабатываемой модели однонаправленными стрелками, а взаимодействия латентных переменных –

как ненаблюдаемых детерминант — двунаправленными. Кроме того, в соответствии с психологическим содержанием измеренных переменных в модели предполагается два регуляторных уровня — «доличностный» (стоящий за стадиями доконвенциональной и конвенциональной морали, согласно теории Л. Колберга) и собственно «личностный» (соответствующей ценностям на стадии постконвенциональной морали). Теоретические полагаемые латентные переменные названы здесь «ориентацией на личностные ценности и Другого» и «ориентацией на индивидуальное Я, на свой комфорт, на удовлетворение собственных потребностей».

На личностном уровне саморегуляции функционируют еще две латентные переменные — «принятие неопределенности» (ее обоснование сделано нами в работе [13]) и «опыт». Последняя переменная операционализируется в измеряемой личностной рациональности и индивидуальном опыте, изменяющемся с возрастом. Другие измеренные психологические переменные, представленные в модели прямоугольниками, раскрываются в шкалах психодиагностических методик.

МЕТОДИКИ И ИСПЫТУЕМЫЕ

Испытуемые. В исследовании приняли участие 240 человек — студенты факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (207 женщин и 33 мужчины в возрасте 17–26 лет, $M=21,3$ и $SD=5,4$).

Поскольку гендерные влияния на показатели эмоционального интеллекта не являются первостепенными для методик, основанных на самоотчете [28; 295], а также исходя из несущественности влияний пола на индексы используемого опросника ЭИ [19], мы могли предполагать общность модели для всей студенческой популяции. Однородность показателей в выборках подтверждена данными дисперсионного анализа.

Все испытуемые проходили тестирование по следующим четырем методикам:

1. Опросник «Справедливость — забота» [20]. Он позволяет измерять шесть переменных, характеризующих нравственное развитие; три соответствуют модели Колберга, раскрывая стадии индивидуальной морали — *доконвенциональной, конвенциональной и постконвенциональной*, и три — модели Айсенберг–Гиллиган [27]: *самоозабоченность, самопожертвование и самоуважение*. Отталкиваясь от работы Л. Колберга, К. Гиллиган предложила модель морального развития, дополнив уровневый подход учетом «принципа заботы», включающего *самоозабоченность*: 1) ориентация на себя, на свои интересы, 2) ориентация на интересы других людей и на их хорошее мнение о себе; *самопожертвование*: 1) рефлексивная эмпатическая ориентация, 2) учет интериоризированных ценностей, защита прав других; *самоуважение*: сознательный учет интериоризированных ценностей.

2. Шкала толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой [18], известная под названием MSTAT-I. Опросник измеряет *толерантность к неопределенности* и *интолерантность к неопределенности* как полюса одной шкалы (от отвержения до привлекательности неизвестных, сложных, изменяющихся или имеющих противоречивые интерпретации стимулов).

3. Опросник «Личностные факторы принятия решений ЛФР» Т.В. Корниловой [14]. Диагностирует два свойства личностной саморегуляции: 1) *рациональность* как готовность обдумывать свои решения и получать максимум информации для более полной ориентировки в ситуации и 2) *готовность к риску* как принятие неопределенности, выражающееся в готовности к действиям и решениям при неполноте ориентиров.

4. Опросник «ЭИ», адаптированный Д.В. Люсиным [19]. Измеряет ЭИ как два вида способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими — МЭИ и ВЭИ. Шесть субшкал задают следующие измеряемые переменные:

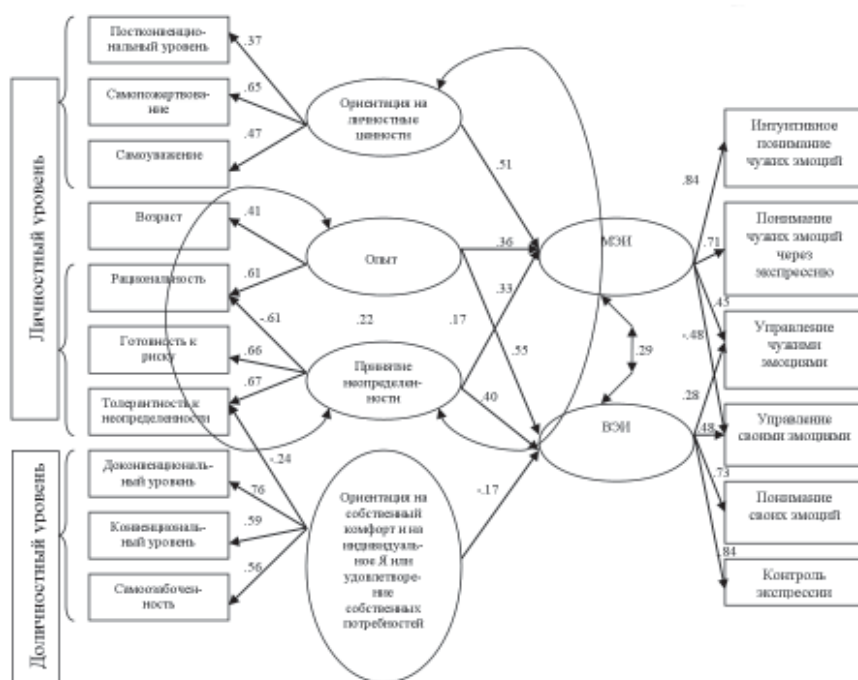

Рис. 1. Структурная модель зависимости видов ЭИ от латентных переменных, представляющих влияния со стороны разных уровней нравственного самосознания личности

М1. Интуитивное понимание чужих эмоций;

М2. Понимание чужих эмоций через экспрессию;

М3. Управление чужими эмоциями;

В1. Осознание своих эмоций;

В2. Управление своими эмоциями;

В3. Контроль в проявлении своих эмоций.

Общие показатели МЭИ и ВЭИ получают суммированием баллов по субшкалам. В модели на рис. 1 это обозначения двух зависимых латентных переменных, а не баллов.

Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS v 13: корреляционный анализ, и программы EQS 6.1 for Windows [26]: построение модели.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На рис. 1 представлена верифицированная структурная модель, демонстрирующая взаимосвязи между полагаемыми латентными и измеренными (психодиагностическими) переменными. На стрелках между латентными переменными указаны

коэффициенты регрессии, на стрелках между наблюдаемыми и латентными переменными — факторные нагрузки; двунаправленные стрелки — корреляции между факторами; не проставлены — с целью экономии места — две коррелирующие ошибки: *возраст* слабо отрицательно связан с *доконвенциональным уровнем* ($-0,15$), а *постконвенциональный* — положительно с *самоуважением* ($0,35$); между МЭИ и ВЭИ обозначена связь их ошибок (уникальных дисперсий, не объясняемых выделенными в модели независимыми факторами).

Проверка пригодности модели. Анализ пригодности модели выявил удовлетворительное соответствие модели эмпирическим данным: $\chi^2(89) = 109,22, p = 0,07$; сравнительный индекс пригодности CFI = $0,95$, корень из среднеквадратичной ошибки аппроксимации RMSEA = $0,04$ (95% интервал от $0,026$ до $0,056$). Можно сказать, что для каждого из видов ЭИ (МЭИ и ВЭИ) наша модель объясняет 59% дисперсии в этих латентных переменных. Для обеих переменных КМД $R^2 = 0,59$, т.е. для МЭИ ориентация на «личностные ценности», «опыт» и «принятие неопределен-

ности» объясняют 59%, а для ВЭИ тот же охват дисперсии объясняется другими латентными переменными на схеме — «ориентацией на собственный комфорт», «опытом» и «принятием неопределенности».

Полученные коэффициенты корреляции проясняют установленные связи между отдельными измеренными переменными (табл.), но модель описывает не их, а выделенные факторы и обуславливание одних другими.

Как и предполагалось, шкалы *доконвенциональной, конвенциональной стадии* и *самоозабоченности* выступили показателями латентной переменной «ориентация на комфорт» (см. рис.1). Этот уровень регуляции, характеризуемый как «доличностный», обуславливает ВЭИ.

Та же латентная переменная имеет отрицательный выход на измеряемую *толерантность к неопределенности* (т.е. чем выше ориентация на индивидуальные интересы, тем ниже толерантность или выше неустойчивость личности, связанная с неприятием нового и неясного). В таблице этому соответствуют отрицательные корреляции с *самоозабоченностью* и *доконвенциональным уровнем морали*.

Вторая группа измеренных переменных — *постконвенциональной стадии, самопожертвования* и *самоуважения*, — которые характеризуют в модели уровень сформированности личностных ценностей, определяет только МЭИ. Регрессионный коэффициент здесь максимален (0,51).

Две другие латентные переменные — «принятие неопределенности» и «опыт», — как и предполагалось, определяют оба вида ЭИ.

Согласно полученным результатам, индивидуальный резерв саморегуляции, в модели фокусируемый латентной переменной «принятие неопределенности», взаимодействует с «личностными ценностями» и не связан с «ориентацией на комфорт».

Отрицательная факторная нагрузка свойства *рациональности* соответствует эм-

пирически установленным отрицательным корреляциям и теоретической интерпретации его противоположного влияния (по отношению к готовности к риску и толерантности). Эмпирическая корреляция *рациональности* и *возраста* (см. табл.) в модели оформляется в латентную переменную «опыт», коррелирующую с латентной переменной «принятие неопределенности». Связи переменных «опыт» и «комфорт» не обнаружено (их учет ухудшает показатели модели).

Шкалы *интуитивного понимания чужих эмоций (M1)* и *понимания их через экспрессию (M2)* оказались связаны как с *конвенциональной*, так и *постконвенциональной стадиями* (см. табл. 1), но в модели хорошо интерпретируется только последняя (самые большие коэффициенты регрессии и факторные нагрузки — на пути от высшего уровня нравственного самосознания — к МЭИ и далее к *M1* и *M2*). Первая связь в системе путей от независимых к зависимым латентным переменным не нашла отражения. Это демонстрирует тот факт, что в модели фиксируются именно интегративные влияния совокупностей переменных.

Отметим отрицательную нагрузку *управления своими эмоциями (B1)* на фактор МЭИ. Она свидетельствует о том, что люди с более высоким МЭИ прилагают меньше усилий для управления своими эмоциями.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В целом характер взаимосвязей психодиагностических показателей и возраста позволил выделить в них предполагавшиеся четыре группы, обуславливающиеся экзогенными латентными переменными, такими как «принятие неопределенности», «ориентация на личностные ценности», «ориентация на собственный комфорт», а также «опыт», и рассматривать МЭИ и ВЭИ как зависимые латентные переменные. Тем самым выдержали эмпирическую проверку обе общие гипотезы о влиянии

Связи ЭИ, личностных показателей и возраста (по «роу» Спирмена)

Таблица

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1 M1	1						0,07								
2 M2	,611**	1													
3 M3	,500**	,379**													
4 B1	,214**	,223**	,214**	1											
5 B2	,301**	,280**	,403**	,364**											
6 B3	0,029	-0,018	0,098	,304**	,424**	1									
7 Возраст	0,069	-0,013	0,023	0,11	0,089	,172**				-0,048	-0,048				
8 Рациональность	-0,056	-0,069	-0,097	0,019	0,018	,136*	,192**	1			0,107				
9 Готовность к риску	,327**	,235**	,338**	0,046	,192**	-0,014	0,04	-0,384**			0,096				
10 Толерантность к неопределенности	,236**	,274**	,333**	,204**	,286**	,209**	-0,05	-0,271**	,426**	1					
11 Доконвенци. уровень	0,038	-0,039	0,002	-0,071	0,069	-0,081	-0,05	0,11	0,096	-0,155*					
12 Самоозабоченность	0,013	-0,068	-0,037	-0,111	-0,039	-0,203**	0,02	,135*	-0,001	-0,169**	,433**	1			
13 Конвенциональный уровень	,304**	,233**	0,122	0,113	,139*	0,011	0,05	-0,11	,198**	,171**	-0,058	-0,163*	1		
14 Самопожертвование	0,09	0,054	-0,005	-0,11	-0,005	-0,123	0,08	0,02	0,049	-0,062	,404**	,292**	-0,082		
15 Постконвенциональный уровень	,288**	,275**	0,123	-0,037	-0,052	-0,184**	-0,12	-0,01	0,023	0,03	0,004	,149*	,149*		
16 Самоуважение	,221**	,221**	0,079	0,08	0,035	-0,014	-0,06	-0,09	,129*	,166*	-0,064	-0,105	,441**	-0,068	0,272**

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$

на ЭИ уровней нравственного самосознания личности. Две латентные переменные, отвечающие разным ценностным ориентациям, могут быть рассмотрены как сравнительно автономно направляющие уровни развития ЭИ, причем первая определяет МЭИ, а вторая ВЭИ.

Связи измеренных и латентных переменных в модели можно интерпретировать как проявления путей образования сравнительно автономных (и динамически складывающихся) регулятивных систем — ДРС, структурирующих разноуровневые процессы регуляции морального выбора.

Как и предполагалось, следует выделить два уровня саморегуляции — «доличностный» (в характеристиках индивидуальной морали по Л. Колбергу) и «собственно личностный», интегрирующий три латентные переменные, которые функционируют во взаимодействии друг с другом. Латентная переменная «принятие неопределенности» связана на этом уровне с двумя другими и определяет, как это показано в структурной модели, оба вида ЭИ. Этому соответствует и тот факт, что «толерантность к неопределенности» выступила связующим звеном активности, фокусируемой разными латентными переменными.

«Ориентация на комфорт» как латентная переменная, представляющая стадию нравственного эгоцентризма, не связана с освоением личностных ценностей, а также с принятием вызовов неопределенности.

Из обоснованной роли конструкта «принятие неопределенности» следует, что нельзя предполагать некоторой «нравственной надежности» как стабильного свойства личности, но можно возлагать на человека ответственность за неиспользование ресурсов своего личностного Я. Это также предполагает свободу личности в отношении к нормам морали, а не только их рациональную и эмоциональную оценки.

По отношению к ЭИ «принятие неопределенности» в ее регулятивной функции выступило примерно равным образом

по отношению к межличностному и внутриличностному интеллекту. Специального обсуждения требовала бы установленная отрицательно направленная связь «доличностного» уровня с ВЭИ. Пока мы ограничиваемся указанием на ее правдоподобие с точки зрения гипотезы о том, что более тонкая эмоциональная регуляция должна ожидаться именно у тех, кто способен ориентироваться на интересы других людей.

На основании полученных данных можно также утверждать, что переход к личностному уровню нравственного самосознания положительно связан с возрастом или направленностью на сбор информации (как разумными основаниями возможного выбора). Эта рациональная составляющая, во-первых, также может квалифицироваться как определяющая переход к личностным уровням саморегуляции и, во-вторых, влияет на МЭИ так же, как и уровень принятия личностных ценностей. Однако отсутствие прямых влияний ее на ВЭИ соответствует предположениям о достаточной автономности системы его регуляции, отличающейся от регуляции МЭИ.

Итак, установленные закономерности свидетельствуют о несводимости проблемы морального выбора к стадиям автономной морали в моделях Колберга (с его интеллектуалистской трактовкой) и Айсенберг–Гиллиган (с их вниманием к эмпатии и чувству справедливости), а также необходимости учета переменных, отражающих готовность человека отвечать вызовам неопределенности.

ВЫВОДЫ

1. В многоуровневой регуляции морального выбора следует выделять как минимум два уровня, соответствующие стадиям развития нравственного самосознания: личностный (с ориентировкой на личностные ценности и Других) и доличностный (с ориентировкой на индивидуальный комфорт).

2. Процессы, актуализируемые при принятии условий неопределенности, необходимо связаны с возможностью децентрации собственной позиции и объединяют другие составляющие личностной регуляции.

3. Переменные, отражающие стадии нравственного самосознания, наряду с указанной ролью «принятия неопределенности» и «опыта» выступают предикторами ЭИ.

4. Межличностный и внутриличностный интеллект обуславливаются включением в разные динамические регулятивные системы и зависят от уровневых переходов между стадиями морального развития.

1. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: ИП РАН, 2004.
2. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // *Вопр. психол.* 1997. № 5. С. 3–19.
3. *Бубер М.* Я и Ты [Электронный ресурс] <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt>
4. *Васильюк Ф.Е.* Психотехника выбора // *Психология с человеческим лицом – гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 283–313.
5. *Вилюнас В.К.* Основные проблемы психологической теории эмоций // *Психология эмоций. Тексты* / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.К. Вилюнаса. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 3–28.
6. *Воловикова М.И.* Интеллектуальное развитие и моральные суждения младших школьников // *Вопр. психол.* 1987. № 2. С. 40–47.
7. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 6–362.
8. *Гарднер Г.* Структура разума: теория множественного интеллекта. М.; СПб.; Киев: Изд. дом «Вильямс», 2007.
9. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АКТ; Хранитель, 2008.
10. *Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии // *Методология и история психологии.* 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 207–231.
11. *Зинченко В.П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // *Человек в ситуации неопределенности* / Под ред. А.К. Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
12. *Карабанова О.А., Подольский А.И., Захарова Е.И.* Решение моральных дилемм в подростковом возрасте // *Психол. и школа.* 2005. № 1. С. 3–21.
13. *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности к неопределенности // *Психол. журн.* 2009. Т. 30. № 6. С. 140–152.
14. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
15. *Корнилова Т.В.* Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // *Субъект и личность в психологии саморегуляции* / Под. ред. В.И. Моросановой. М.; Севастополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 181–194.
16. *Корнилова Т.В.* и др. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // *Психол. журн.* 2008. Т. 29. № 3. С. 106–120.
17. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
18. *Луковицкая Е.Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. канд. дис. СПб., 1998.
19. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // *Психол. диагностика.* 2006. № 4. С. 3–22.
20. *Молчанов С.В.* Структура морального поведения в концепции Дж. Реста // *Психол. и школа,* 2005. № 1. С. 111–132.
21. *Пиаже Ж.* Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2006.
22. *Социальный интеллект: теория, измерения, исследования* / Под ред. Д.В. Ушакова и Д.В. Люсина. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
23. *Стейн С.Дж., Бук Г.И.* Преимущества EQ: эмоциональный интеллект и ваши успехи. Днепрпетровск: Баланс Бизнес Букс, 2007.
24. *Хаузер М.* Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.
25. *Человек в ситуации неопределенности* / Под ред. А.К. Болотовой. М.: ТЕИС, 2007.
26. *Bentler P. M.* EQS structural equations program manual. Inc, Encino, CA: Multivariate Software, 1995.
27. *Eisenberg N.* Emotion, regulation, and moral development // *Ann. Rev. Psychol.* 2000. V. 51. P. 665–697.
28. *Emotional intelligence: An international handbook* // Schulze R., Roberts R. D. (eds). Cambridge: Hogrefe & Huber Publishing, 2005.
29. *Gigerenzer G.* Moral intuition – fast and frugal heuristics? // Sinnott-Armstrong W. (ed.). *Moral Psychology. V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity.* Cambridge, MA: MIT Press. 2008. P. 1–28.
30. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgement // *Psychol. Rev.* 2001. V. 108. N. 4. P. 814–834.
31. *Harpur T.J., Hart S.D., Hare R.D.* Personality of the psychopath // Costa P.T. Jr., T.A. Widiger (eds).

- Personality disorders and the five-factor model of personality. Washington: APA, 2002. P. 299–324.
32. Kohlberg L. Essays on moral development: The philosophy of moral development. V. 1, 2. N.Y.: Harper & Row, 1981.
33. Mayer J.D., Roberts R.D., Barsade S.G. Human abilities: Emotional intelligence // *Ann. Rev. Psychol.* 2008. V. 59. P. 507–536.
34. Monin B., Pizarro D.A., Beer J. Reason and emotion in moral judgment and decision-making: Different prototypes lead to different theories // Vohs K.D., Baumeister R. F., Loewenstein G. (eds). *Do emotions help or hurt decision making? A Hedgesian perspective.* N.Y.: Russell Sage Foundation Press, 2007. P. 219–244.
35. Van Rooy D.L., Viswesvaran C. Emotional intelligence: A meta-analytic investigation of predictive validity and nomological net // *J. Vocational* . 2004. V. 65. P. 71–95.
36. Waterhouse L. Inadequate evidence for multiple intelligences, Mozart effect, and emotional intelligence theories // *Educ. Psychologist.* 2006. V. 41. P. 247–255.
37. Zeidner M., Matthews G., Roberts R.D. The science of emotional intelligence: Current consensus and controversies // *Europ. Psychologist.* 2008. V. 13. N 1. P. 64–78.

Поступила в редакцию 7.VII 2009 г.